

ИТОГИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКАЯ СИСТЕМА ПОСЛЕВОЕННОГО УСТРОЙСТВА МИРА

11 ноября 1918 г. представители германского правительства подписали в Компьенском лесу продиктованные представителями стран Антанты условия соглашения о перемирии.

Первая мировая война, длившаяся более четырех лет и унесшая десятки миллионов человеческих жизней, была наконец окончена. Перед странами-победителями, и в первую очередь перед Англией, Францией и Соединенными Штатами Америки, встала задача - обеспечить выгодное им послевоенное устройство мира. Для того, чтобы выполнить эту задачу, и более конкретно для выработки и подписания мирных договоров с Германией и ее союзниками, и была созвана в Париже мирная конференция стран-победителей, которая начала свою работу 18 января 1919 г.

В работе Парижской мирной конференции приняли участие представители 27 стран. Но с самого начала обнаружился ее антидемократический характер. Порядок ее работы определяли представители великих держав, не считаясь с интересами других стран. Решение важнейших вопросов проходило не на пленарных заседаниях (их было очень немного, они проводились для официального оформления уже согласованных в узком кругу решений), а на заседаниях так называемого "совета десяти", в который входили по два представителя от каждой из пяти великих держав-победителей - Англии, Франции, США, Италии и Японии. Работа этого органа шла негласно, в глубокой тайне. Очень скоро заседания "совета десяти" сменились заседаниями еще более узкого органа. Это стал так называемый "совет четырех", где совещались главы делегаций Англии, Франции, США и Италии. Фактически же вершителями дел мирной конференции стали три человека: премьер-министр Франции Жорж Клемансо, который как глава страны, на территории которой шла конференция, стал ее постоянным председателем, премьер-министр Англии Дэвид Ллойд-Джордж и президент США Вудро Вильсон.

Важнейшей проблемой, вставшей перед руководителями Парижской мирной конференции, был вопрос о том, как, каким путем обеспечить послевоенное устройство мира. Для этого надо было решить ряд важных задач:

- выработать приемлемые для них принципы новой послевоенной системы международных отношений;
- осуществить передел сфер влияния крупнейших держав, привести их в соответствие с итогами первой мировой войны;
- решить судьбу основных объектов послевоенного передела мира - колоний Германии и владений Турецкой империи на Арабском Востоке.

Все эти проблемы неизбежно вставали и во время крупных международных конференций в прошлом, когда решался вопрос о кардинальных сдвигах в системе международных отношений. Вспомним, например, Венский конгресс 1815 г. Однако Парижская мирная конференция 1919 г. проходила в принципиально новой обстановке.

Мы уже говорили во вводной лекции к курсу, что после первой мировой войны развернулся глубокий кризис всей традиционной структуры капитализма, обнаружилось стремление широких масс населения к кардинальному демократическому реформированию капитализма, а иногда даже к его социалистической трансформации. В ряде стран возникла обстановка революционного кризиса, в колониях и зависимых странах росло национально-освободительное движение, национальное движение широко развернулось и в странах Европы. Все это требовало нового подхода к решению вопроса о принципах новой системы международных отношений.

Как же решались на Парижской конференции 1919 г. эти проблемы? Разумеется, каждая из основных держав, игравших решающую роль на конференции, по-разному пыталась решать эти проблемы, имела свои собственные планы послевоенного устройства мира. Посмотрим, каковы же они были.

Наиболее претенциозными были планы Соединенных Штатов Америки.

Общезвестно, что в последние десятилетия XIX в. Соединенные Штаты как молодая капиталистическая страна развивались с необычайной быстротой. Если в 1860 г., накануне Гражданской войны, США занимали лишь 4-е место в мире по общему объему производимой промышленной продукции, уступая Англии, Франции и Германии, то всего лишь через три с половиной десятилетия, в 1894 г., они вышли по этому показателю на первое место в мире.

На этой основе уже в 90-х гг. XIX в. началась активная экономическая, а затем и политическая экспансия США в странах Центральной, а отчасти и Южной Америки, а также в бассейне Тихого океана. Таким образом, Соединенные Штаты приняли участие в борьбе за раздел мира. Более того, они начали одну из первых войн за передел мира - испано-американскую войну 1898 г.

Следовательно, уже в конце XIX - начале XX в. Соединенные Штаты стали играть значительную роль в мировой политике. В их лице возникла новая сильная империалистическая держава, заявившая свои претензии на эксплуатацию колоний и сфер влияния. В этом отношении положение США напоминало в тот период положение Германии - другой молодой империалистической державы.

Но все же важнейшим противником Англии, крупнейшей тогда колониальной державы мира, стали в начале XX в. не Соединенные Штаты. Им стала Германия, уже тогда практически поставившая вопрос о переделе мира. Именно с Германией сталкивалась Англия во всех частях

земного шара: и в Европе, и в Азии, и в Африке, и даже в Латинской Америке.

В лице Соединенных Штатов у Англии появился в начале XX в. новый конкурент, дававший о себе знать главным образом в странах Западного полушария. Однако перед лицом острейших англо-германских противоречий возникшие в тот период англо-американские противоречия отходили на второй, а то и на третий и т.д. план. Ни в большинстве стран Азии, ни в Африке, ни в Южной Америке, не говоря уже о Европе, Соединенные Штаты не играли тогда сколько-нибудь крупной роли. По сути дела, США в начале XX в. не стали еще великой державой.

Следовательно, налицо был своеобразный парадокс: экономическое первенство Соединенных Штатов - и в то же время относительно второстепенная их роль на арене мировой политики.

Встает вопрос: почему в тот период был возможен этот парадокс? Прежде всего, важной особенностью Соединенных Штатов в начале XX в. было то, что характерная для того периода черта развития крупнейших европейских держав - резкое усиление вывоза капитала - лишь в малой степени была свойственна Америке. Если иностранные инвестиции Англии составляли в начале XX в. гигантскую сумму в 20 млрд дол., Франции - 10 млрд дол. и Германии - 5 млрд дол., то иностранные капиталовложения США достигли тогда лишь 500 млн дол., т.е. были в 40 раз меньше английских, в 20 раз меньше французских и в 10 раз меньше германских. Зарубежные инвестиции США в начале XX века были почти вдвое меньше, чем ежегодный доход Англии от ее зарубежных капиталовложений, который достигал тогда 900 млн дол.

К началу первой мировой войны в 1914 г. иностранные капиталовложения США выросли до 2,5 млрд дол., главным образом в Центральной Америке и в Канаде. Но они по-прежнему были намного меньше, чем у крупнейших европейских держав.

Еще более важным фактом было то, что капиталовложения европейских держав в Соединенных Штатах были в 1914 г. вдвое больше, чем зарубежные инвестиции США, - около 5 млрд дол. Следовательно, вплоть до первой мировой войны США находились на положении должника европейских стран.

Но встает еще один важный вопрос: почему Соединенные Штаты так отставали в начале XX в. по размерам экспорта капитала? Важнейшей причиной этого были особенности экономического развития США в течение предшествующих десятилетий. Прежде всего, в Соединенных Штатах были большие массивы свободных земель на Западе, и после Гражданской войны шло особенно массовое их заселение и быстрое развитие в этих районах высокотоварного фермерского хозяйства. В стране был более высокий жизненный уровень населения, более высокая, чем в основных странах Западной Европы, заработная плата рабочих. Все это создавало в США чрезвычайно обширный внутренний рынок, какого

не было ни в одной другой стране. Промышленность Соединенных Штатов почти на 90% работала на внутренний рынок.

Следствием этих важных особенностей развития США было то, что американская буржуазия в начале XX в. меньше, чем буржуазия других стран была заинтересована во внешних рынках сбыта и сферах приложения капитала, так как она сохраняла тогда очень широкие возможности прибыльно вкладывать капиталы внутри страны. Сохранились, следовательно, возможности для продолжения внутренней колонизации.

Очень четко об этом говорится в книге видного американского историка Ганса Моргентау: "Соединенные Штаты воздерживались от вложения капиталов за рубежом не потому, что они были более добродетельными, чем другие страны, а потому, что в их распоряжении была в качестве объекта колонизации лучшая часть континента".

Вот почему в начале XX в. экономическая экспансия США за их рубежами была еще сравнительно невелика, вот почему позиции Соединенных Штатов на международной арене далеко не соответствовали тогда их экономическому могуществу.

Первая мировая война кардинально изменила ситуацию. Она внесла решительные изменения в международные позиции Америки.

В течение всего периода первой мировой войны Соединенные Штаты находились в необычайно благоприятном положении. Они вступили в войну только в апреле 1917 г., т.е. на третьем году войны. Первые крупные контингенты американских войск стали переправляться в Европу лишь весной 1918 г., а в активные военные действия на Западном фронте они вступили только в июле-августе 1918 г., т.е. в самом конце войны. Сама территория Соединенных Штатов была далека от фронта военных действий, и на ней не могло быть военных разрушений, от чего страдали воюющие страны Европы. Военные людские потери США были невелики - около 50 тыс. человек убитыми и 230 тыс. ранеными.

Но благоприятное положение Америки состояло не только и даже не столько в этом. Соединенные Штаты стали в годы войны основным поставщиком военных материалов, продовольствия и сырья для воюющих стран Европы. Американские корпорации, производившие эти поставки, извлекали огромные прибыли. За 1914-1918 гг. чистые прибыли этих крупных корпораций составили 33,5 млрд дол.

Новые крупные капиталовложения в американскую экономику значительно увеличили ее производственные возможности. Сильный промышленный подъем способствовал новому крупному росту удельного веса США в мировой промышленной продукции. Так, в 1919 г. на долю Соединенных Штатов приходилось:

- около половины мировой добычи каменного угля;
- около трех пятых мирового производства чугуна и стали;
- около двух третей мировой добычи нефти;
- 85% мирового производства автомобилей.

Следовательно, важнейшим итогом первой мировой войны было новое громадное усиление экономической мощи США, резкое повышение позиций этой страны в мировой экономике, закрепление за ними положения наиболее могущественной в экономическом отношении страны мира.

Еще более важным было кардинальное изменение международного финансового статуса США.

Оплата военных заказов воюющими странами Европы и соответственно переход в руки американских капиталистов европейских ценных бумаг уменьшили капиталовложения европейских стран в Соединенных Штатах: в 1919 г. они сократились до 3 млрд дол. Зато за годы войны резко увеличились инвестиции США за рубежом. Эти инвестиции были в двух важнейших формах:

- во-первых, военные займы европейским странам, прежде всего Англии и Франции, к началу 20-х гг. они составили около 11 млрд дол.;

- во-вторых, частные инвестиции американских капиталистов, главным образом, в Канаде и Латинской Америке, на сумму около 7 млрд дол. Всего к началу 20-х гг. иностранные инвестиции США возросли, следовательно, до 18 млрд дол.

Следовательно, еще одним чрезвычайно важным итогом первой мировой войны для США был громадный рост экспорта американского капитала и превращение Соединенных Штатов из должника европейских стран в одного из основных международных кредиторов.

А это в свою очередь определило важнейшее следствие в политической области - рост заинтересованности США во внешних рынках сбыта и в сферах влияния, активизацию внешнеполитической экспансии, резкое повышение роли Соединенных Штатов в мировой политике. Об этом четко заявил в 1917 г. президент Вильсон: "Перед нами стоит задача - финансировать весь мир, - провозгласил он, - а тот, кто дает деньги, должен научиться управлять миром".

Таким образом, после первой мировой войны Соединенные Штаты впервые вышли на арену мировой политики в качестве первостепенной мировой державы. Только теперь они впервые вошли в ряды великих держав. Впервые политические лидеры США смогли реально поставить задачу установления "мирового лидерства", мировой гегемонии Америки. Конечно, эти лозунги нередко выдвигались американскими политиками и ранее, в XIX в., но только после первой мировой войны они стали реальной возможностью, приобрели реальный смысл.

Из этого и исходили конкретные планы послевоенного устройства мира, выдвинутые тогда Соединенными Штатами. Они были изложены в послании президента Вильсона конгрессу США 8 января 1918 г. Так появились знаменитые "Четырнадцать пунктов Вильсона".

В этой программе американского президента были выдвинуты весьма необычные для того времени радикальные лозунги. Они включали следующие требования, которые звучали весьма демократично:

- отмену всех тайных договоров между странами Антанты, заключенных ими в годы первой мировой войны с целью передела колоний и сфер влияния;
- обеспечение свободы мореплавания;
- отмену всех таможенных барьеров и международное признание принципов "открытых дверей" и "равных возможностей";
- справедливое решение колониальных проблем и возможность признания права народов колониальных стран на независимость;
- ограничение вооружений;
- открытые и гласные переговоры о заключении мира с Германией и ее союзниками;
- создание международной организации по охране мира - Лиги Наций.

Немедленно вслед за посланием президента Вильсона конгрессу в американской печати развернулась шумная кампания восхваления "Четырнадцати пунктов Вильсона", восхваления "миролюбия", "бескорыстия" и "благородных устремлений" Соединенных Штатов. Так, уже на следующий день после появления "Четырнадцати пунктов" газета "New York Tribune" писала: "Вчерашнее обращение президента Вильсона к конгрессу будет жить как один из величайших документов американской истории и как одно из неизменных приношений Америки на алтарь мировой свободы".

До сих пор "Четырнадцать пунктов" Вильсона, как правило, оцениваются большинством американских историков в этом же духе. Утверждается, что, в отличие от европейских империалистических держав, стремившихся к новым захватам, к переделу колоний, Соединенные Штаты не имели никаких захватнических планов, что, напротив, они стремились к установлению нового мирового порядка, основанного на принципах свободы, демократии и справедливости.

В советской же историографии "Четырнадцать пунктов" Вильсона традиционно рассматривались как чистейшая демагогия, вуалирующая истинные империалистические замыслы правящих кругов США, ничем принципиально не отличавшиеся от захватнических устремлений европейских империалистических держав.

Как же объективно оценить смысл и содержание "Четырнадцати пунктов" Вильсона? Прежде всего, были ли "Четырнадцать пунктов" программой империалистической экспансии США? Конечно, были. Ее конкретная форма зависела от особенностей положения Соединенных Штатов в сфере международных отношений.

Программа американского президента отражала реальные империалистические устремления США. В самом деле, почему, например, Соединенные Штаты добивались ликвидации тайных договоров стран Антанты? Да потому, что США не участвовали в их составлении и опасались, что они могут оказаться обделенными. Поэтому они стремились аннулировать эти тайные договоры и заключить другие договоры, выгодные для США.

Далее, Соединенные Штаты, сознавая свое экономическое могущество, были уверены в успехе в конкурентной борьбе на внешних рынках. Именно поэтому для них было выгодно международное признание принципов "открытых дверей" и "равных возможностей", которые впервые были выдвинуты Соединенными Штатами по отношению к Китаю еще в 1899 г. в так называемой доктрине Хэя, но первую реальную попытку осуществления которых они пытались сделать после первой мировой войны.

Одной из важнейших задач США было добиться свободного доступа в колониальные и зависимые страны. Но для этого Соединенным Штатам надо было добиться превращения этих стран из объекта монопольной эксплуатации той или иной империалистической державы в объект общей эксплуатации "на равных". Соединенные Штаты были уверены в том, что при данных условиях победу одержит сильнейшая в экономическом отношении держава. Они не боялись даже признания формальной политической независимости тех или иных колониальных стран. Они уже имели пример того, как формально независимые страны Центральной Америки методами экономического закабаления превращались в полностью зависимые от Соединенных Штатов. Так выработывались новые формы колониальной зависимости, получившие впоследствии название неокOLONИализма.

Наконец, будучи уверенными в силе, в способности стать "мировым суперарбитром", Соединенные Штаты выдвинули лозунг Лиги Наций, надеясь сделать ее орудием своей гегемонии. Не случайно в то время деятели американского правительства говорили о том, что они стремятся "распространить доктрину Монро на весь мир".

Таким образом, форма империалистической экспансии, выдвигавшаяся в 1918 г. Соединенными Штатами, отличалась от классических образцов, защищаемых европейскими державами. Америка стремилась не к перераспределению территорий, колоний и сфер влияния между державами-победителями в первой мировой войне (это было выгодно Англии и Франции, связанным системой тайных договоров), а к установлению "нового мирового порядка", на условиях "открытых дверей", "равных возможностей", "справедливого" решения колониальных проблем под эгидой Лиги Наций, в которой Соединенные Штаты надеялись играть решающую роль. В этой программе правители Америки видели путь к тому, чтобы вырвать из рук Старого Света ключи к мировой гегемонии. Именно поэтому их программой были не отдельные территориальные приобретения, а установление мировой гегемонии Америки.

Но встает вопрос: достаточно ли ограничиться при оценке вильсоновского плана переустройства системы международных отношений, изложенного в "Четырнадцати пунктах", только рассмотрением чисто империалистических замыслов Соединенных Штатов?

Нет, для выдвижения "Четырнадцати пунктов" Вильсона были и другие серьезные основания. Мы уже говорили о том, что вступление основных стран мира в новую стадию монополистического, корпоративного капитализма вызвало крупные изменения во всей структуре общества. Обнаружился глубокий кризис капитализма свободной конкуренции, необходимость в его кардинальном реформировании. Первая мировая война еще более обострила ситуацию. Она привела в движение широкие массы народа, добившегося в предшествовавшие десятилетия ряда важных прав в политической и социальной области. Рост требовательности народных масс вызвал серьезную угрозу массовых движений за кардинальное демократическое реформирование основ общества. Более того, в левых кругах рабочего движения возникла идея выдвижения социалистической альтернативы капитализму. Октябрьская революция в России и революционные выступления в Германии, Венгрии и ряде других стран Западной Европы, выдвинувшие лозунги переустройства мира на принципах социальной справедливости и ликвидации классового господства буржуазии, создали серьезнейшую угрозу существующему общественному порядку. В колониях и зависимых странах развернулось сильное национально-освободительное движение.

Президент Вильсон, как дальновидный и реалистически мыслящий политик, хорошо понимал, что этим опасным для капитализма идеям и движениям надо противопоставить демократические лозунги нового, справедливого мирового порядка, основанного на принципах мира и демократии, равноправия народов под эгидой Лиги Наций. В одном из своих выступлений он говорил: "С помощью Лиги Наций мы будем... лечить мир, охваченный духом восстания против крупного капитала".

Особо важное значение, по мнению Вильсона, эти демократические лозунги имели для борьбы против опасных идей большевизма, Октябрьской революции. "Справедливый мир и лучший порядок, - заявлял он, - необходимы для борьбы против большевизма".

Таким образом, программа переустройства мира, выдвинутая в 1918 г. американским президентом, не была однозначной. Напротив, она имела двойственный характер, сочетая принципы глобализма и либерализма. В качестве двух важнейших целей страны она ставила достижение гегемонии Америки и выдвижение либеральной альтернативы социалистической угрозе. Об этом четко говорил и сам Вильсон, ставя перед внешней политикой США задачу - "совместить участие в мировой борьбе за могущество с руководством мировым либеральным движением".

Следовательно, программа, выдвинутая президентом Вильсоном в "Четырнадцати пунктах", может быть охарактеризована как программа либерального экспансионизма, которая стремилась придать системе послевоенных международных отношений более современный, более цивилизованный, "высокоморальный" характер, продемонстрировать "миссионерскую роль" Нового Света в борьбе против традиционного европейского империализма.

Из этих же расчетов исходила и программа США по вопросу об отношении к побежденной в первой мировой войне Германии. Соединенные Штаты не были заинтересованы в чрезмерном ее ослаблении. В лице достаточно сильной, хотя и ослабленной Германии они хотели создать противовес усилению роли Англии и Франции. Необходимо было также добиться подавления революции в Германии, начавшейся в ноябре 1918 г. и создавшей реальную опасность распространения большевизма на Западную Европу. Поэтому перед Соединенными Штатами возникла задача - помочь германской буржуазии в борьбе против революции и вместе с тем с помощью крупных инвестиций в экономику Германии завоевать там ведущее положение, с тем чтобы впоследствии распространить это руководящее положение на экономику и политику послевоенной Европы.

Таким образом, после первой мировой войны перед Соединенными Штатами встали чрезвычайно важные и ответственные задачи в системе международных отношений. Поэтому делегацию США на Парижской мирной конференции возглавил сам президент. Впервые в истории страны президент Соединенных Штатов во время президентского срока покинул территорию страны, нарушив тем самым длительную американскую традицию.

В течение нескольких месяцев на конференции в Париже шла упорная борьба между тремя крупнейшими лидерами тогдашнего мира - Ллойд-Джорджем, Клемансо и Вильсоном. Это не было случайностью, ибо три ведущие державы - Англию, Францию и США - разделяли острейшие противоречия.

В самом деле, выдвинутые американским президентом планы создания "нового мирового порядка" были абсолютно неприемлемы ни для Англии, ни для Франции.

Участие Англии в первой мировой войне было неизбежным, так как Германия, молодая и сильная империалистическая держава, открыто заявляла о необходимости передела колоний и сфер влияния. Англо-германские противоречия на рубеже XIX - XX вв. стали основным антагонизмом системы международных отношений. Существование огромной Британской империи было поставлено под угрозу, и Англия решительно боролась за ее сохранение и расширение.

Первая мировая война привела к осуществлению задач, поставленных правящими кругами Англии. Германия была ослаблена и выведена из числа великих держав. Значительная часть германских колоний в Африке и на Тихом океане фактически была в руках Англии. Были ликвидированы позиции Германии в обширных владениях Турецкой империи на Ближнем Востоке. Теперь задача Англии состояла в том, чтобы узаконить захваченную во время войны добычу и еще более увеличить могущество Британской империи как основного рычага влияния Англии на мировой арене.

Ясно, что при таких условиях усиление Соединенных Штатов никак не входило в расчеты Англии. Поэтому английская делегация на Парижской мирной конференции во главе с Ллойд-Джорджем день за днем вела решительную борьбу против чрезмерных притязаний США, против их претензий на верховенство, против американских планов навязывания "нового мирового порядка" через Лигу Наций и лозунги "открытых дверей" и "равных возможностей", с помощью которых Соединенные Штаты рассчитывали на установление своей гегемонии в послевоенном мире.

Правда, Ллойд-Джордж, как опытный и дальновидный политик осознавал, что после первой мировой войны произошли крупные изменения. Он понимал настоятельную необходимость реформирования капитализма, его приспособления к потребностям общественного развития, необходимость дать ответ на угрозу социалистической альтернативы. Он активно поддерживал идею создания Лиги Наций, заявляя о том, что эта идея - вовсе не монополия Вильсона. Но Ллойд-Джордж стремился не допустить преобладающего влияния США в Лиге Наций. Главная цель этой международной организации, по мнению английской делегации, должна была состоять в сохранении достигнутого после войны status quo, в создании механизма охраны колониальной системы, и прежде всего охраны Британской империи. С этой целью Англия намеревалась использовать свои ресурсы для завоевания руководящего положения в Лиге Наций и через нее для охраны status quo в международных отношениях.

В борьбе против чрезмерных притязаний Соединенных Штатов Англия нашла решительную поддержку Франции. Конечно, между Англией и Францией существовали острые противоречия, в частности, по вопросу о судьбе бывших колоний Германии и владений Турецкой империи. Поэтому между представителями этих стран на конференции в Париже шла постоянная борьба по вопросу о том, в чьи руки перейдет та или иная из этих территорий в Африке или на Ближнем Востоке.

Но все же обе делегации - и Англии и Франции, - как правило, объединялись в тот момент, когда третья держава - Соединенные Штаты - предъявляла свои претензии на верховенство, на установление "нового мирового порядка", а значит и на то, что рассчитывали получить Англия и Франция.

В борьбе против идей "нового мирового порядка", основанного на новых принципах "мира и справедливости", Франция в лице ее премьер-министра Клемансо была особенно непримиримой. Дело в том, что Клемансо, в отличие от Вильсона и Ллойд-Джорджа, был типичным империалистическим политиком старой школы. Он считал все рассуждения о "новом мировом порядке" утопией и демагогией и неустанно боролся за то, чтобы как можно более выгодно для Франции заключить

мирный договор и, в частности, получить достаточно крупную долю новых колониальных владений в Африке и на Арабском Востоке.

Идея создания Лиги Наций, в принципе, не отвергалась Клемансо. Но он решительно отвергал какую бы то ни было связь между идеей создания Лиги Наций и переделом колоний. Рассуждения о Лиге Наций как "инструменте мира и сотрудничества между народами" Клемансо считал вредной утопией. Франция, по его мнению, должна использовать Лигу Наций прежде всего для укрепления позиций Франции, опираясь при этом на сильную сухопутную армию.

Однако если Англия и Франция были, как правило, в одном лагере против США, когда речь шла об общих принципах послевоенного устройства мира и о роли Соединенных Штатов в нем, а также о необходимости быстрее раздела бывших германских колоний и владений Турецкой империи, то по вопросу о положении Германии в послевоенной Европе их разделяли глубочайшие противоречия.

В самом деле, выгодно ли было для Англии чрезмерное ослабление Германии? Нет, не было выгодно. Англия стремилась ослабить Германию как колониальную и морскую державу, а не вообще как крупную державу. Этот политический курс исходил из традиционной для Англии политики "равновесия сил" в Европе, которая издавна проводилась английским руководством. Важнейшей ее целью было создание такой расстановки сил на Европейском континенте, чтобы там существовала не одна, а по крайней мере две сильные державы, которые в значительной степени могли бы нейтрализовать друг друга. Только тогда Англия могла играть роль арбитра, а значит, завоевать руководящее положение в решении всех европейских проблем.

Для того чтобы и после окончания первой мировой войны сохранить эту руководящую роль в европейских делах, Англии надо было ни в коем случае не допустить чрезмерного усиления своего основного союзника и соперника - Франции. Поэтому делегация Англии на мирной конференции стремилась нейтрализовать усиление роли Франции сохранением ослабленной, но все же достаточно сильной Германии. На это и был рассчитан лозунг, которым руководствовалась английская делегация: "не слишком сильная Франция" и "не слишком слабая Германия".

Позиция Франции была противоположна политическому курсу Англии. И это вполне понятно. Могла ли Франция согласиться на создание достаточно сильного германского государства, на чем все время настаивали делегации Англии и США на Парижской мирной конференции, разумеется, каждая из своих собственных соображений? Конечно, нет. Франция, естественно, сама стремилась играть руководящую роль в Европе. Однако было ясно, что, пока в центре Европы существовало сильное германское государство, об установлении руководящего положения Франции на Европейском континенте не могло быть и речи.

Поэтому руководители Франции после окончания войны поставили своей важнейшей задачей добиться возможно большего ослабления Германии.

Для этого французская делегация на мирной конференции добивалась передачи Франции всего левобережья Рейна, а также выдвинула план расчленения Германии на ряд сравнительно мелких государств, стремясь вернуть Германию в лучшем случае к такому положению, в котором она находилась до объединения страны, и окружить эти слабые германские государства плотным кольцом стран, связанных с Францией военно-политическими союзами.

Таким образом, анализ общих программ и конкретных планов трех крупнейших держав-победителей показывает, как глубоки были межимпериалистические противоречия после первой мировой войны, какая острая борьба завязывалась на мирной конференции в Париже по любому вопросу, связанному с послевоенным устройством мира.

Особенно острой и упорной была борьба между главами трех великих держав по трем важнейшим проблемам.

Сразу же после открытия Парижской мирной конференции развернулась острая борьба по вопросу об очередности обсуждения важнейших проблем. Представители Франции и Англии, поддержанные делегациями Италии, Японии и ряда других стран, предлагали немедленно приступить к распределению бывших колоний Германии в Африке и на Тихом океане и владений Турецкой империи на Ближнем Востоке. Но против этого решительно выступил глава делегации США. Президент Вильсон настаивал на том, что сначала надо обсудить и принять устав Лиги Наций, сделать его неразрывной составной частью всех мирных договоров с Германией и ее бывшими союзниками, установить таким путем новый, справедливый мировой порядок и только после этого приступить к решению вопроса о судьбе бывших германских колоний и турецких владений.

Делегации Франции и Англии категорически возражали против такого порядка обсуждения. Клемансо предлагал вообще не связывать Лигу Наций с мирными договорами. Ллойд-Джордж соглашался на то, чтобы устав Лиги Наций и мирные договоры составляли единое целое, но утверждал, что разработка устава Лиги Наций - это сложное и длительное дело, а значит, надо, не теряя времени, сейчас же приступить к решению колониальных проблем.

Однако Вильсон упорно стоял на своем. Он заявил: "Мир справедливо скажет, что великие державы поспешили поделить между собой беззащитные части света, а потом стали рассуждать о Лиге Наций и союзе народов".

После длительных споров было решено поручить разработку устава Лиги Наций специальной комиссии. Делегаты Англии и Франции предложили включить в состав комиссии не только представителей великих держав, но и делегатов от малых стран. Они утверждали, что ими

движет забота об интересах всех стран, больших и малых. Но на самом деле англо-французский блок стремился сделать комиссию возможно более многочисленной и тем самым затянуть ее работу. Однако в ответ на это президент Вильсон заявил, что он согласен на включение в состав комиссии представителей малых стран и, чтобы сделать работу комиссии максимально эффективной, он берет на себя председательство в этой комиссии.

Под руководством Вильсона в короткий срок были разработаны важнейшие положения устава Лиги Наций. Работа комиссии началась 3 февраля 1919 г., а уже 14 февраля американский президент доложил на пленарном заседании мирной конференции результаты работы комиссии - основы устава Лиги Наций. В своей речи на этом заседании Вильсон торжественно объявил о "победе идеи справедливого устройства мира". Он заявил: "С созданием Лиги Наций спадает пелена недоверия и интриг. Люди могут смотреть друг другу в лицо и говорить: мы - братья, у нас - общая цель... В лице Лиги Наций у нас есть теперь договор братства и дружбы".

Конечно, эти рассуждения американского президента были всего лишь декларацией, лишь предельно идеализированной оценкой действительных итогов разработки основ устава Лиги Наций. Предстояла еще ожесточенная борьба по вопросу о том, каким будет окончательный текст устава, утверждение которого намечалось лишь на апрель 1919 г., как будут интерпретированы важнейшие положения устава Лиги Наций, наконец, кто будет определять ее политическую линию.

Надо сказать, что Ллойд-Джордж и Клемансо весьма скептически реагировали на торжественные декларации Вильсона о "новом мировом порядке" и о Лиге Наций как "справедливом союзе народов". Они всячески стремились представить американского президента в глазах общественного мнения как оторванного от реальной жизни идеалиста, проповедующего утопические проекты. Вот как, например, писал о действиях Вильсона на конференции английский премьер-министр в опубликованной им книге "Правда о мирных договорах": "Я думаю, что идеалистически настроенный президент действительно смотрел на себя как на миссионера, призванием которого было спасение бедных европейских язычников... Особенно поразителен был взрыв его чувств, когда, говоря о Лиге Наций, он стал объяснять причины неудачи христианства в достижении высоких идеалов. "Почему, - спрашивал он, - Иисус Христос не добился того, чтобы мир уверовал в его учение? Потому, что он проповедовал лишь идеалы и не указывал практического пути для их достижения. Я же предлагаю практическую схему, чтобы довести до конца стремление Христа". Помню, - продолжал Ллойд-Джордж, - что, услышав эти слова, Клемансо широко раскрыл свои темные глаза и внимательно оглядел всех присутствующих, как бы предлагая оценить смысл сказанного".

Разумеется, в рассуждениях Вильсона сказывались некоторые характерные черты его менталитета, испытавшего сильное влияние идей религиозного провиденциализма. В его выступлениях нередко было много абстрактного, весьма далекого от реальной действительности. Но чаще всего это делалось им не без умысла. Американскому президенту было важно предстать перед миром в роли искреннего поборника мира, демократии и справедливости. А за этими популярными лозунгами крылась вполне реальная защита глобальных интересов Соединенных Штатов. И в борьбе за первоочередное обсуждение вопроса о статусе Лиги Наций Вильсон добился ряда успехов. Прежде всего, на конференции было решено, что устав Лиги Наций будет неразрывной составной частью мирных договоров. Кроме того, было признано необходимым, чтобы все мирные договоры были основаны на принципах, изложенных в "Четырнадцати пунктах" Вильсона. Правда, многое зависело от того, как будут конкретно интерпретированы эти принципиальные решения конференции. Но все же первые успехи Вильсона были налицо.

Второй вопрос, по которому шла особенно острая борьба на Парижской мирной конференции, - это вопрос о репарационных платежах Германии.

Поскольку все участники конференции были единодушны в том, что ответственность за развязывание первой мировой войны должна быть возложена на Германию, они столь же единодушно решили, что Германия должна выплачивать репарации странам, подвергшимся нападению, за тот ущерб, который был нанесен им в ходе военных действий. Однако вопрос об общем размере репарационных платежей и о распределении их между странами - получателями репараций вызвал ожесточенные споры.

С наибольшими претензиями в репарационном вопросе выступила Франция. Исходя из своего плана возможно большего ослабления Германии, французская делегация предложила установить общую сумму репарационных платежей Германии в размере от 450 до 480 млрд золотых марок. Это была поистине астрономическая сумма - она в десять раз превышала общую сумму национального богатства Франции. Но эта гигантская сумма платежей предлагалась вполне сознательно. Во-первых, лидеры Франции видели в громадных репарациях средство, с помощью которого можно было бы держать экономику Германии в подавленном состоянии в течение многих десятилетий и ни в коем случае не допустить возрождения экономического могущества Германии. Во-вторых, за счет репарационных платежей, львиную долю которых французская делегация надеялась выторговать для своей страны, французская крупная буржуазия намеревалась неплохо поживиться.

Представители Англии и США решительно отвергали претенциозные репарационные планы Франции. Они выступали за гораздо меньшую общую сумму репарационных платежей Германии. По исчислениям

английских и американских экспертов, эта сумма должна была составлять от 50 до 100 млрд золотых марок.

Не менее острая борьба между Францией и Англией развернулась по вопросу о том, на какую долю репарационных платежей намерена претендовать каждая из стран-получателей. Французский премьер-министр Клемансо настаивал на том, чтобы доля Франции была установлена в размере 58% общей суммы репараций, соглашаясь на то, чтобы Англия получила 25% этой суммы, а остальные 17% были распределены между остальными странами - получателями репараций. Ллойд-Джордж предлагал уменьшить долю Франции до 50% и увеличить долю Англии до 30%. Со своей стороны, президент Вильсон, не претендуя, разумеется, на получение репараций Соединенными Штатами, пытался добиться компромисса между Францией и Англией и предлагал установить соотношение предназначенных для этих двух стран долей платежей соответственно в размерах 56 и 28% общей суммы репараций.

Споры по репарационному вопросу на Парижской мирной конференции были настолько острыми, что вплоть до конца ее работы этот вопрос так и не получил своего разрешения.

Наконец, третьим вопросом, по которому лидеры "большой тройки", как часто называли лидеров трех крупнейших стран, особенно ожесточенно сражались между собой, был вопрос о судьбе бывших германских колоний в Африке и на Тихом океане и бывших владений Турецкой империи на Арабском Востоке.

Споры по этому вопросу были необычайно ожесточенными. Когда после одного из заседаний "большой тройки" репортеры спросили у президента Вильсона о результатах обсуждения, тот недовольно буркнул: "Блестяще, мы разошлись абсолютно по всем вопросам".

Разумеется, для Клемансо, а в значительной мере и для Ллойд-Джорджа, наиболее целесообразным принципом решения судьбы бывших германских колоний и турецких владений было поделить между собой эти территории. Такие предложения и в самом деле неоднократно выдвигались в ходе работы мирной конференции. Правда, с ними чаще всего выступали не сами представители Англии и Франции, а либо делегаты английских доминионов, либо представители стран, зависимых от Франции. И это не было случайностью. После первой мировой войны, когда в колониях и зависимых странах разгорелось сильное национально-освободительное движение, простое присоединение тех или иных территорий к колониальным владениям крупнейших держав мира могло вызвать огромное возмущение общественного мнения всех стран. Поэтому необходимо было выдвинуть новые принципы решения колониальных проблем, которые выглядели бы более цивилизованными и более справедливыми.

Это прекрасно понимал президент Вильсон, и с этим не могли не считаться Ллойд-Джордж и даже Клемансо. В качестве такого нового

принципа на Парижской мирной конференции 1919 г. была выдвинута идея мандатной системы. Провозглашалось, что все важнейшие объекты послевоенного передела мира - германские колонии и владения Турецкой империи - больше не будут находиться в колониальной зависимости. Но одновременно с этим утверждалось, что в силу своей отсталости и неподготовленности они сразу же не могут получить политическую независимость. Из этих посылок следовал вывод, что необходимо выработать систему мандатов на управление этими территориями на срок, необходимый для подготовки к независимости.

Однако сразу же вставал ряд вопросов. Кто получит мандаты на управление теми или иными территориями? Кто будет решать вопрос о выдаче мандатов? На каких условиях они будут выдаваться? По всем этим вопросам развернулась острая борьба. Президент Вильсон в ходе разработки устава Лиги Наций выдвинул принцип "обезличения", интернационализации мандатов. Согласно этому принципу, мандаты на управление территориями передавались в руки Лиги Наций.

Англичане и французы категорически возражали против этого. Они настаивали на том, чтобы мандаты на управление распределяемыми колониальными территориями передавались той или иной крупной державе и после упорной борьбы добились принятия этого принципа.

Не менее острую борьбу вызвал и вопрос о том, кто будет решать проблему распределения мандатов. Уступив в вопросе об интернационализации мандатов, Вильсон добивался того, чтобы вопрос о выдаче мандатов на управление той или иной территорией решался Лигой Наций. Однако и Ллойд-Джордж и Клемансо выступили против этого и провели другой принцип: решение вопроса о выдаче мандатов должно принадлежать мирной конференции, т.е. фактически "большой тройке", и лишь официально вручаться затем избранной державе от имени Лиги Наций. Следовательно, и в этом вопросе фактически победила англо-французская линия, ибо Вильсону на заседании "большой тройки" было очень трудно преодолеть объединенный фронт Ллойд-Джорджа и Клемансо.

Это не могло не сказаться на условиях, по которым должно было осуществляться управление подмандатными территориями. По решению мирной конференции прежние владения Турецкой империи на Ближнем Востоке и бывшие германские колонии в Африке и на Тихом океане - основные объекты послевоенного передела мира - были разбиты на три группы.

В первую группу - "группу А" - были включены прежние владения Турции на Арабском Востоке - Сирия, Ливан, Палестина, Трансиордания, Ирак. Эти наиболее развитые регионы формально были признаны независимыми территориями с правом на участие в их административном управлении. Но одновременно утверждалось, что народы этих стран еще не готовы к тому, чтобы стать полностью независимыми и суверенными и поэтому нуждаются в опеке со стороны той или иной цивилизованной

державы. Эти державы и должны были получить мандаты на управление этими регионами, чтобы подготовить народы подмандатных территорий к самоуправлению и независимости.

Руководители Парижской конференции не жалели слов, чтобы восхвалять свое решение. Они заявляли, что державы, которые получают мандат на управление бывшими владениями Турции на Арабском Востоке, будут заботиться о прогрессе и процветании народов этих территорий, а когда тот или иной народ созреет под опекой мандатных "благодетелей", он получит право на полную независимость. Реальная жизнь показала, что действительность весьма далека от этой рекламной картинки. С помощью мандатной системы вуалировалось, затемнялось фактическое сохранение колониальной системы, даже по отношению к этой наиболее развитой группе стран колониального мира.

В еще более ясной форме это относилось к другим распределяемым территориям. Во вторую группу - "группу В" - были включены бывшие колонии Германии в Восточной Африке (которые стали вскоре именоваться Танганьикой), в Центральной Африке (Руанда-Бурунди), а также германская Юго-Западная Африка. Эта группа территорий не получала даже формальной независимости. Они должны были управляться обладателями мандатов на условиях запрещения торговли рабами, оружием, алкоголем, а также на условиях защиты свободы совести и религиозных убеждений подмандатного населения. Наконец, в третью группу - "группу С" - вошли бывшие колонии Германии в Западной Африке (Того, Камерун) и в Тихом океане (восточная часть Новой Гвинеи с прилегающими островами, западная часть архипелага Самоа, а также архипелаги островов севернее экватора - Каролинские, Марианские и Маршалловы). Эти наиболее отсталые регионы должны были управляться по законам государства, обладающего мандатом, как составная часть его территории.

Ясно, что распространение мандатной системы на эти две группы стран фактически полностью сохраняло колониальный гнет. Поэтому вполне справедлива была оценка существа мандатной системы, данная В. И. Лениным в том же 1919 г. Он писал: "Когда говорят о раздаче мандатов на колонии, мы прекрасно знаем, что это - раздача мандатов на расхищение, грабеж, что это - раздача прав ничтожной части населения земли на эксплуатацию большинства населения земного шара". Мандаты на управление территориями всех трех групп были распределены в узком кругу представителей великих держав, практически "большой тройкой". Они лишь официально были выданы тем или иным державам от имени Лиги Наций. Следовательно, в этом вопросе одержала победу старая, традиционная империалистическая практика, которую особенно активно защищал Клемансо и которую, может быть, не столь откровенно поддерживал Ллойд-Джордж, а более цивилизованные планы, выдвигае-

мые Вильсоном (конечно, тоже не без империалистических расчетов) были во многом выхолощены и стали фактически лишь декларацией.

Таким образом, на Парижской мирной конференции 1919 г. разгорелась ожесточенная борьба между крупнейшими державами по всем обсуждавшимся там вопросам. Не раз работа конференции оказывалась под угрозой срыва. Президент США не раз угрожал уехать в Америку и даже заказывал теплоход для отъезда в Нью-Йорк. С теми или иными угрозами неоднократно выступали и Ллойд-Джордж и Клемансо. С гораздо меньшим успехом к ультиматумам пытались прибегать главы других делегаций, не входившие в "большую тройку". Так, например, итальянский премьер-министр Витторио Орландо первое время воздерживался от активного участия в спорах, ожидая того момента, когда Англия и Франция начнут выполнять свои обещания, данные Италии за ее разрыв с Тройственным союзом и за ее переход на сторону Антанты в годы первой мировой войны. Однако итальянская делегация вскоре убедилась в том, что "большая тройка" отнюдь не намерена считаться с притязаниями Италии на ряд территорий на Балканах и в Малой Азии. Орландо пытался разыграть "благородное негодование" и во главе всей делегации демонстративно покинул зал заседаний. Однако очень скоро, к ужасу своему, он убедился, что уход итальянской делегации остался незамеченным. Поэтому итальянский премьер тихо и конфузливо вынужден был возвратиться на конференцию и сделать вид, что ничего не произошло. Поистине в очередной раз оправдалась правота латинской пословицы, гласящей: "quod licet Jovi, non licet bovi".

Если страны-победители, в первую очередь Англия, Франция и США, все же в конце концов договорились между собой и выработали согласованные условия мирных договоров с Германией и ее бывшими союзниками, то это во многом объяснялось тем, что в послевоенном мире все более усиливались стремления к кардинальной трансформации существующего строя, росло влияние идей социалистического переустройства общества, еще более усилившееся под влиянием Октябрьской революции в России. При обсуждении любого вопроса на Парижской мирной конференции существование и активные действия Советской России не могли не оказывать влияние на ход и результаты дискуссии. Как метко заметил один из политических деятелей США, впоследствии президент, Герберт Гувер, "призрак большевистской России почти ежедневно бродил по залам мирной конференции". Руководящие деятели великих держав серьезно опасались, что развитие революционного движения может опрокинуть все обсуждаемые на конференции планы послевоенного переустройства мира. Эти опасения очень четко выразил член американской делегации государственный секретарь США Роберт Лансинг. Он заявил: "Мы должны без всякой задержки пойти на заключение мира. Если мы будем продолжать колебаться и медлить,

пламя большевизма перекинется в Центральную Европу и создаст серьезную угрозу разрушения нашего социального порядка".

28 июня 1919 г. в одном из дворцов Версаля, бывшей резиденции французских королей, был подписан мирный договор с Германией, получивший название Версальского договора. Позже, в течение 1919 - 1920 гг., были разработаны и подписаны мирные договоры с бывшими союзниками Германии - Сен-Жерменский (с Австрией), Трианонский (с Венгрией), Нейский (с Болгарией) и Севрский (с Турцией). Все эти договоры, вместе взятые, и создали так называемую Версальскую систему послевоенного устройства мира.

* * *

Каковы же были условия мирных договоров 1919 -1920 гг.? Сердцевину послевоенной системы международных отношений составил Версальский мирный договор. Во-первых, этот договор предусматривал передачу части территории Германии соседним с нею государствам. На западе от Германии отбирались прежде всего Эльзас и Лотарингия, которые были захвачены ею во время франко-прусской войны 1870 - 1871 гг. Они возвращались Франции. Кроме того, у Германии была взята очень важная в экономическом отношении Саарская область. Крупные залежи каменного угля, имеющиеся там, были отданы в пользование Франции. Сама же Саарская область на 15 лет передавалась под управление Лиги Наций. По истечении этого срока среди населения Саара должен был быть проведен плебисцит по вопросу о его дальнейшей судьбе. Наконец, небольшие территориальные приращения на основе проведенных плебисцитов получили Бельгия (округа Эйпен и Мальмеди) и Дания (северная часть Шлезвига). На востоке от Германии отделялись значительная часть Западной Пруссии, часть Померании и Познанская область. Из этих земель был образован так называемый "польский" или "данцигский" коридор - территория с узким выходом к Балтийскому морю в районе города Гдыня. Все эти территории передавались вновь создаваемому Польскому государству. Город Данциг (теперешний Гданьск) с областью вокруг него становился "вольным городом" под управлением Лиги Наций. После плебисцита к Польше отходила также часть Верхней Силезии. Наконец, у Германии отторгалась Мемельская (Клайпедская) область, которая позже была включена в состав вновь созданного Литовского государства. В общей сложности по условиям Версальского мирного договора Германия теряла 1/8 часть своей территории и 1/12 часть населения страны.

Во-вторых, в Версальском договоре были важные статьи, определявшие положение Германии в послевоенной Европе.

Прежде всего, все левобережье Рейна на 15 лет оккупировалось союзными войсками. Оккупированная территория делилась на три зоны с

центрами в Кельне, Кобленце и Майнце. Кроме того, вдоль всего правого берега Рейна создавалась демилитаризованная зона шириной в 50 - 60 км, где не должно было быть никаких военных сооружений или войск Германии. Все существовавшие ранее военные укрепления в районе Рейна предписывалось срыть.

Военные силы Германии были резко ограничены. Германия была лишена права держать крупную постоянную армию. Ей разрешалась лишь армия в 100 тыс. солдат, причем она должна была набираться не на основе всеобщей воинской повинности, а на основе вольного найма. Весь германский военный флот, за небольшим исключением, передавался союзникам, Германию лишили права иметь подводные лодки, военную авиацию, запретили ей строить корабли большого тоннажа.

Наконец, Версальский договор обязывал Германию платить репарации за ущерб, нанесенный странам Антанты в годы войны. Однако ни вопрос об общей сумме репараций, ни распределение этих платежей между странами Антанты до конца конференции так и не получили своего разрешения. Договорились лишь о том, что оба этих вопроса должны быть решены до 1 мая 1921 г. и что до этого срока Германия должна уплатить в счет репараций 20 млрд золотых марок.

В-третьих, Версальский договор распределил бывшие германские колонии, раздав мандаты на управление ими.

Африканские колонии Германии поделили Англия и (в меньшем объеме) Франция. К Англии отходила германская Восточная Африка, получившая затем название Танганьика, западная половина территории Того и небольшая часть Камеруна, граничившая с Нигерией. Британский доминион Южно-Африканский Союз получил мандат на управление германской Юго-Западной Африкой, получившей впоследствии название Намибия. Меньшая часть бывших колониальных владений в Африке - восточная половина территории Того и большая часть Камеруна - перешли в распоряжение Франции. Территория Руанды-Бурунди была передана Бельгии.

Тихоокеанские владения Германии были поделены между Японией и Англией. Япония получила в свое управление тихоокеанские острова, расположенные севернее экватора, - Марианские, Каролинские и Маршалловы. В ее руки перешла также бывшая военно-морская база Германии на территории Китая - Кяо-Чао. Кроме того, Версальский договор санкционировал произведенный Японией во время первой мировой войны захват китайской территории в районе полуострова Шаньдун. Бывшие германские колонии, расположенные в Тихом океане южнее экватора, - восточная часть Новой Гвинеи с прилегающими островами и западная часть архипелага Самоа - были переданы соответственно под управление британских доминионов Австралии и Новой Зеландии.

Договоры, заключенные на протяжении 1919 - 1920 гг. с бывшими союзниками Германии, также сильно перекроили карту Европы и Азии.

Во-первых, с территории Европы исчезла огромная многонациональная Австро-Венгерская империя. Многолетняя борьба народов Австро-Венгрии за независимость заставила руководителей Парижской мирной конференции признать политическую независимость ряда регионов. Кроме самих Австрии и Венгрии было образовано независимое Чехословацкое государство. Территория Сербии и Черногории, которые до первой мировой войны были самостоятельными государствами, была сильно расширена за счет присоединения к ним других областей, населенных южнославянскими народами, - Словении, Хорватии, Далмации, Боснии и Герцеговины, Македонии. Из всех этих территорий было образовано Сербо-Хорватско-Словенское государство, получившее впоследствии название Югославии. Остальные территории, ранее входившие в состав Австро-Венгрии, руководители Парижской мирной конференции разделили, мало считаясь с национальными принципами. Полуостров Истрия с городом Триестом на побережье Адриатического моря, а также расположенный в предгорьях Альп Южный Тироль получила Италия. В состав Польши вошли Галиция и Западная Украина. Наконец, Трансильвания и Буковина были отданы Румынии. Весь морской флот Австро-Венгрии, а также ее дунайская флотилия перешли в руки стран-победителей.

Во-вторых, после войны была значительно ослаблена Болгария - бывшая союзница Германии в первую мировую войну. Договор в Нейи закрепил за Румынией Южную Добруджу, отторгнутую от Болгарии еще в довоенные годы. Небольшая территория на западе Болгарии была передана Югославии. Наконец, Западная Фракия, через территорию которой Болгария имела ранее выход к Эгейскому морю, была теперь отторгнута и позже передана Греции. У Болгарии был отнят почти весь флот, резко ограничена численность армии. На Болгарию наложили крупную контрибуцию в размере 2,5 млрд франков.

Наконец, в-третьих, конференция в Париже санкционировала раздел владений бывшей Турецкой империи и, по сути дела, пыталась превратить Турцию в полуколонию крупнейших держав. По условиям Севрского договора, территория Турции ограничивалась Малой Азией и небольшой областью вокруг Стамбула на европейском берегу Босфора. Остальные европейские владения Турции, а также крупный порт на малоазийском побережье Эгейского моря - Измир - передавались Греции. Азиатские владения Турции на Арабском Востоке были разделены между Англией и Францией. Англия получила мандаты на управление Палестиной, Трансиорданией и Ираком, а Франция - мандаты на управление Сирией и Ливаном. Кроме того, предполагалось решить вопрос о передаче мандатов на управление еще двумя областями, входившими в состав Турецкой империи. Первой из них была Армения, в состав которой предполагалось включить Западную Армению, армянское население которой было почти полностью истреблено в результате геноцида 1915 г., проведенного турками, и Восточную Армению, входившую в состав Российского

многим сохранился и консервативный характер этой модели. Усилия ее творцов были направлены не столько на ее кардинальную реформу в либеральном духе, сколько на консервацию ее основных принципов, на борьбу со всем тем, что грозило традиционному функционированию системы.

Это отчетливо сказывалось, например, в отношении к Советской России, против которой велась ожесточенная борьба по всем направлениям. И Парижская мирная конференция внесла заметный вклад в эту борьбу. Достаточно указать хотя бы на тот факт, что созданная вдоль всей западной границы Советской России группа национальных государств - Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша - рассматривалась творцами Версаля как своеобразная система "санитарного кордона", которая мыслилась как преграда "революционной заразе", грозившей с Востока, как плотина, которая должна была преградить путь в Западную Европу бурному потоку большевизма.

Консервативный характер Версальской системы отчетливо сказывался и в отношении ее создателей - лидеров "большой тройки" - к побежденной в первой мировой войне Германии, где развернулось сильное революционное движение и где, следовательно, устои капитализма подвергались наибольшей угрозе. Стремясь в той или иной мере ослабить своего побежденного соперника и конкурента, творцы Версальской системы в то же время стремились помочь германской буржуазии справиться с собственным народом. Эти стремления сыграли немалую роль и в сохранении достаточно сильных экономических позиций германской монополистической буржуазии, и в сохранении такого уровня военных сил Германии, который был нужен для выполнения ими внутренних репрессивно-полицейских функций.

Консервативный, антидемократический характер Версальской системы четко проявлялся также в отношении к народам малых стран. Хотя Парижская мирная конференция в какой-то мере и пошла навстречу национальным чаяниям ряда народов Европы, территориальный передел мира в целом осуществлялся, как и прежде, не по принципам справедливости и даже не по принципам национальной характеристики той или иной территории, а по согласованию интересов великих держав или даже по диктату той из них, которая в данном регионе пользовалась наибольшим влиянием. Очень отчетливо это проявилось по отношению к народам Центральной и Юго-Восточной Европы. Так, например, в состав Румынии были включены территории с венгерским и болгарским населением, что надолго создало между Румынией, с одной стороны, Венгрией и Болгарией - с другой, неприязненные, а то и прямо враждебные отношения. Территориальный передел в этом регионе вызвал острые противоречия, а зачастую и вражду и между другими странами - Болгарией и Югославией, Австрией и Венгрией, Венгрией и Чехословакией, Чехословакией и Польшей и т.д.

Все это делалось не случайно. Творцы Версальской системы, будучи империалистическими политиками, искусно использовали в своих целях резко усилившийся в тот период национализм. Они стремились разъединить народы, а то и натравить их друг на друга. В этих условиях им легче было справиться с крайне опасными для лидеров капитализма массовыми социальными движениями. Словом, старый, ведущий свое начало еще со времен Древнего Рима принцип "divide et impera" - "разделяй и властвуй" и в XX в. оставался важным принципом империалистической политики.

Наконец, консервативный, империалистический характер Версальской системы отчетливо проявился и в стремлении сохранить в целостности колониальную систему. Как мы уже говорили, предпринятые в ходе Парижской мирной конференции попытки создать в лице мандатной системы смягченную, интернационализированную форму правления бывшими колониальными владениями Германии и входившими в состав Турецкой империи арабскими территориями на Ближнем Востоке как своеобразный образец для распространения этих принципов на весь колониальный мир были в ходе острых споров на конференции в значительной мере выхолащены, а то и просто отвергнуты.

Таким образом, Версальская система при всех новых элементах, внесенных в нее велением времени, по существу своему оставалась примером империалистической системы международных отношений. А это в свою очередь определяло ее крайне противоречивый, антагонистический характер.

В самом деле, ведь произведенный в результате первой мировой войны передел колоний и сфер влияния осуществлялся, как и прежде, не по принципу справедливости, а по принципу силы. Поэтому он далеко не в равной степени удовлетворил крупнейшие державы.

Наибольшие выгоды от Версальской системы получила Англия. В ее руки перешли важнейшие германские колонии. Именно она получила львиную долю при разделе бывших турецких владений. Главный конкурент Англии - Германия - на время был выведен из строя. Очень важную роль Англии удалось завоевать в Лиге Наций. Занимая как великая держава одно из постоянных мест в Совете Лиги Наций, Англия располагала не одним, а фактически шестью голосами в общем собрании членов этой организации - Ассамблее Лиги, так как членами Лиги Наций стали все четыре тогдашних английских доминиона - Канада, Австралия, Новая Зеландия и Южно-Африканский Союз, а также крупнейшая и наиболее важная колония Англии - Индия.

Немало важных выгод из послевоенной системы международных договоров извлекла Франция. Она приобрела новые колониальные владения в Африке, получила мандаты на управление рядом территорий на Ближнем Востоке. Но самое главное заключалось в том, что после первой мировой войны Франции удалось установить и в течение всей первой половины 20-х гг. сохранить очень сильное, а зачастую и

руководящее влияние в решении ряда европейских проблем. Важными орудиями этого преобладания были, во-первых, сильная сухопутная армия Франции и, во-вторых, созданная Францией система военно-политических союзов с рядом европейских стран. Такие союзы были заключены ею с Бельгией и Польшей. Кроме того, в лице Чехословакии, Румынии и Югославии Франции удалось создать под своей эгидой так называемую Малую Антанту, опираясь на которую Франция оказывала сильное влияние на решение европейских проблем.

Руководящую роль в первые послевоенные годы Франция играла и в решении репарационной проблемы. Обсуждение этой проблемы было активно продолжено после окончания Парижской мирной конференции, где, как мы помним, не удалось установить ни общей суммы репарационных платежей Германии, ни их распределения между разными странами. Первым этапом в решении этих проблем стала конференция в городе Спа, в Бельгии, проведенная в июле 1920 г. На этой конференции Франция добилась предоставления ей права на получение 52% общей суммы репарационных платежей (к тому времени все еще не согласованной между великими державами), т.е. должна была получить больше репараций, чем все остальные страны, вместе взятые. Англии было предоставлено право на получение 22% общей суммы репараций, Италии - 10, Бельгии - 8%, остальная же сумма мелкими долями была распределена между всеми другими странами, имевшими право на получение репараций.

Решающая роль Франции в урегулировании репарационной проблемы, в немалой степени обусловленная тем, что она обладала председательским местом в репарационной комиссии, дала ей возможность чрезвычайно выгодно для себя решить и вопрос об общей сумме репарационных платежей Германии. На репарационной конференции в Париже в феврале 1921 г. эта сумма была установлена в размере 226 млрд золотых марок, т.е. на гораздо более высоком уровне, чем предлагали делегаты Англии и США. Когда же эта сумма репараций встретила решительное возражение Германии, все время саботировавшей их регулярную выплату, союзные державы пошли на сокращение общей суммы репараций, но по настоянию Франции все же сохранили ее на высоком уровне. Лондонская конференция в мае 1921 г. определила общую сумму репарационных платежей Германии в размере 132 млрд золотых марок.

Усиление роли Франции в решении европейских проблем, естественно, обостряло англо-французские отношения. Англия все время старалась противодействовать усилению роли Франции на Европейском континенте.

Однако и Англия и Франция совместно продолжали решительно выступать против притязаний Соединенных Штатов. В своих претензиях на руководящую роль в решении проблем послевоенного устройства мира представители США на Парижской мирной конференции 1919 г. натолкнулись на решительное сопротивление англичан и французов и преодолеть это сопротивление не смогли. Встает вопрос: почему?

Правда, надо сказать, что формально Соединенные Штаты добились признания ряда провозглашенных ими принципов. Вся система мирных договоров содержала общее признание принципов, провозглашенных в "Четырнадцать пунктов" Вильсона. Был принят в целом американский план создания Лиги Наций, одобрен принцип создания мандатной системы. Однако декларативное признание принципов, выдвигавшихся американской делегацией, мало что давало Соединенным Штатам, ибо реальное осуществление основных проблем послевоенного устройства мира шло совсем не так, как это нужно было Америке. Не случайно один из американских экспертов на мирной конференции справедливо заметил, что тактика Ллойд-Джорджа и Клемансо по отношению к предложениям Вильсона состояла в том, чтобы "признавать и одобрять их принципиально и отвергать фактически". Поэтому на Парижской мирной конференции 1919 г. американская делегация фактически потерпела поражение. Чем же это объяснялось?

Очень широкое распространение в американской исторической литературе нашла точка зрения, согласно которой у Соединенных Штатов и не было никаких империалистических планов, что, в отличие от лидеров Англии и Франции, стремившихся к захвату новых колониальных владений, американская делегация намеревалась установить справедливый мировой порядок. Утверждая о "благородстве" американских намерений, авторы этих трудов проводят идею о принципиальном отличии идеалиста и миролюбца Вильсона от империалистических тигров Клемансо или Ллойд-Джорджа. Не отрицается при этом, что в ходе подготовки к Парижской мирной конференции и в ходе ее работы Вильсон допустил ряд тактических ошибок, в частности отказавшись включить в американскую делегацию ряд видных деятелей оппозиционной республиканской партии.

Но кроме этой апологетической концепции в американской историографии есть и другая точка зрения. Ее сторонники утверждают, что Вильсон был недостаточно опытным политиком, слишком оторванным от реальной жизни, что его фактически "обвели вокруг пальца" более опытные и искусные европейские политики.

Эта трактовка не раз воспроизводилась и в марксистской историографии. Обосновывая ее, советские историки, как правило, ссылались на одно из высказываний В. И. Ленина, который в одной из своих речей 1919 г. заявил, что на Парижской мирной конференции Вильсон оказался "совершенным дурачком", которым Клемансо и Ллойд-Джордж "вертели как им вздумается".

Разумеется, эта хлесткая фраза не имеет ничего общего с действительностью. Президент Вильсон был умным и достаточно умелым империалистическим политиком, защищавшим интересы Соединенных Штатов и учитывавшим существенное отличие положения США в системе международных отношений от положения крупнейших европейских держав. Более того, во многих отношениях он был более дальновидным

политиком, понимавшим необходимость включения в систему международных отношений новых, более современных принципов, отражавших новую обстановку в мире после первой мировой войны. В какой-то мере можно сказать, что Вильсон в своих взглядах опережал свое время.

Почему же президент Соединенных Штатов потерпел в 1919 г. поражение в Париже? Это объяснялось тем, что, несмотря на финансовую и экономическую мощь Америки, внешнеполитические позиции США после окончания первой мировой войны оставались еще сравнительно слабыми. Соединенные Штаты все еще сильно отставали тогда от Англии по размерам своего военно-морского флота, а от Франции - по размерам своей сухопутной армии. У США еще не было тогда разветвленной системы военно-политических союзов, которыми обладала Франция, за ними не стояла, как за Англией, могущественная Британская империя.

В этих условиях преодолеть объединенное сопротивление англичан и французов американской делегации в 1919 г. в Париже не удалось. К тому же перед лицом "угрозы большевизма", перед опасностью дальнейшего роста революционного движения в мире Соединенные Штаты нередко вынуждены были идти на создание единого империалистического фронта и ради этого отказываться от своей особой позиции. Все это и объясняет причины дипломатического поражения Вильсона на Парижской мирной конференции 1919 г. Первая серьезная попытка завоевания "мирового лидерства" Соединенных Штатов, предпринятая после первой мировой войны, окончилась неудачей.

Ясно, что влиятельные политические круги США, прежде всего в лице оппозиционной республиканской партии, не могли примириться с тем, что Соединенные Штаты оказались "обделенными" в Париже. Они обвиняли Вильсона в том, что его внешнеполитический курс оказался неверным. Республиканцы развернули ожесточенную кампанию против ратификации подписанного Вильсоном Версальского договора. Это существенно ослабило позиции Вильсона, тем более что в результате промежуточных выборов 1918 г. республиканцы завоевали большинство мест в обеих палатах конгресса. Вполне осознавая ослабление позиций президента Вильсона и демократической партии внутри страны, один из европейских политиков еще на конференции в Париже язвительно заметил: "Идеи Вильсона завоевали Европу, остается ожидать, завоюют ли они Америку".

Сильную оппозиционную группу в конгрессе возглавил видный деятель республиканской партии Генри Кэбот Лодж, ставший после победы республиканцев на выборах 1918 г. председателем сенатского комитета по иностранным делам. Оппозиционная группа проводила кампанию против ратификации Версальского мирного договора под флагом изоляционизма. Это, разумеется, не означало, что республиканская оппозиция стремилась к изоляции Америки, действительно выдвигала лозунг невмешательства в европейские дела. Руководство республиканской партии отвергло внешнеполитический курс Вильсона на достижение соглашений с европейскими странами под эгидой Лиги

Наций. Оно требовало отказаться от участия в ней, не брать на себя никаких обязательств до тех пор, пока не будет реально обеспечено преобладание Соединенных Штатов. Следовательно, республиканцы противопоставляли вильсоновскому курсу на международное сотрудничество через Лигу Наций свой курс на "свободу рук" для Соединенных Штатов в отстаивании их международных интересов. Сенатор Лодж очень четко выразил существо этого альтернативного внешнеполитического курса. Он заявил: "Этот курс - не изоляционизм, а свобода действовать так, как мы считаем нужным и справедливым, не изоляционизм, а просто ничем не связанная свобода великой державы решать самой, каким путем ей идти".

Активные действия оппозиции привели к тому, что в марте 1920 г. американский сенат отказался от ратификации Версальского мирного договора. Инициаторы Лиги Наций - Соединенные Штаты - оказались вне ее рядов. А победа республиканцев на выборах 1920 г. и приход к власти новой администрации во главе с президентом Уорреном Гардингом привели к полному отказу от внешнеполитической линии Вильсона и к новому курсу американской внешней политики. Декларации Вильсона о новом, справедливом мировом порядке, о более либеральной, более цивилизованной системе международных отношений были решительно отброшены. В основу внешнеполитического курса США республиканская администрация положила идеи империалистического изоляционизма с характерным для него лозунгом "полной свободы рук" в отстаивании империалистических интересов Америки. В августе 1921 г. правительство Гардинга заключило отдельный, сепаратный мирный договор с Германией. В нем было провозглашено, что Соединенные Штаты будут пользоваться всеми привилегиями, которых им удалось достичь в 1919 г. в Париже, но не признают никаких ограничений, содержащихся в послевоенной системе мирных договоров.

С начала 1920-х гг. Соединенные Штаты взяли курс на экономические методы проникновения в основные районы мира. Они активно использовали свою финансовую мощь, выдвигая как орудие давления на политику Англии и Франции их военные долги Америке.

Соединенные Штаты очень активно наступали на позиции других крупных держав в сфере внешней торговли с неевропейскими странами. Они быстро усиливали свои финансово-экономические позиции в Канаде, в странах Центральной и Южной Америки, в странах Тихоокеанского бассейна. Естественно, что Соединенные Штаты вступали в ожесточенную конкурентную борьбу с Англией. В результате англо-американские противоречия в 1920-х годах стали одним из важнейших империалистических антагонизмов послевоенного мира.

Другим важнейшим противоречием 1920-х гг. стал японо-американский антагонизм. Положение Японии, оставшейся в годы первой мировой войны вне сферы военных действий, было в какой-то мере аналогично положению Соединенных Штатов. В годы войны в

Стремясь лишить Англию первенства в тоннаже военно-морского флота, Соединенные Штаты выступили с программой крупного ограничения морских вооружений. Глава американской делегации, государственный секретарь США Чарлз Эванс Хьюз на первом же заседании конференции выдвинул три основных предложения: во-первых, временно прекратить строить линкоры особенно большого тоннажа; во-вторых, вывести из строя некоторые корабли, уже состоявшие на вооружении морских держав; и, в-третьих, установить соотношение тоннажа основных категорий военно-морского флота великих держав.

Выдвигая эту радикальную программу ограничения морских вооружений и рекламируя свои предложения как свидетельство миролюбия Америки, руководящие круги США, конечно, и не помышляли о действительном разоружении. Об этом говорил хотя бы тот факт, что незадолго до созыва конференции американский конгресс утвердил новые крупные ассигнования на расширение военно-морского флота. Но все же военно-морские силы США по-прежнему значительно отставали от военно-морского флота Англии. Опасно приближался к размерам американского военно-морского флота и японский военно-морской флот. Немедленное увеличение американского военно-морского флота требовало новых, очень крупных средств, а главное, было крайне затруднительным из-за сильных пацифистских настроений общественного мнения. Поэтому, предлагая временно приостановить постройку мощных линкоров, американская делегация рассчитывала на то, что, хорошо подготовившись и проведя необходимую обработку общественного мнения, Соединенные Штаты с течением времени ликвидируют резкое преобладание английского военно-морского флота над американским, которое имело место в начале 20-х гг., и оставят далеко позади военно-морской флот Японии.

Не менее важное значение имел и тот факт, что через Панамский канал, крупнейшую военно-морскую базу США, не могли проходить корабли, водоизмещением более 35 тыс. т. Между тем Англия, а вслед за ней и Япония, приступили в те годы к строительству линкоров с тоннажем 40-45 тыс. тонн. Если бы Соединенные Штаты, соревнуясь с ними, начали строить такие же линейные корабли, то сфера действия американского военно-морского флота была бы существенно ограничена, и переброска военных кораблей из Атлантического в Тихий океан и обратно потребовала бы гораздо большего времени. Ясно, что на это Соединенные Штаты согласиться не могли, стремясь иметь неограниченные возможности маневрирования своего военно-морского флота. Это и стало одной из дополнительных причин того, что американская делегация настаивала на запрещении постройки линкоров водоизмещением более 35 тыс. т. Такое условие и было записано в "договор пяти держав", под которым поставили свои подписи представители США, Англии, Японии, Франции и Италии. Уже одно это было значительным успехом американской делегации.

Но еще более важным для Соединенных Штатов был другой пункт "договора пяти держав". Преодолев сопротивление своих партнеров-

конкурентов, американская делегация добилась установления выгодного для США соотношения тоннажа крупнейших категорий военно-морского флота - линкоров и авианосцев. Соотношение тоннажа линейных флотов США, Англии, Японии, Франции и Италии было установлено соответственно в пропорции 5 : 5 : 3 : 1,75 : 1,75. Этой пропорции соответствовали абсолютные размеры тоннажа линкоров, установленные Вашингтонской конференцией, в 525 тыс. т. для США и Англии, в 315 тыс. т. для Японии и в 175 тыс. т. для Франции и Италии. Следовательно, Соединенные Штаты добились установления принципа равенства своего линейного флота с английским, а тоннаж японского линейного флота был установлен на значительно более низком уровне.

Американская делегация пыталась распространить это соотношение и на все другие категории военно-морского флота - крейсера, эсминцы и подводные лодки, но потерпела неудачу. Против американских планов решительно выступила делегация Англии. Особенно упорно она возражала против распространения принятой для линейного флота пропорции на крейсерский флот. Это не было случайностью, ибо быстроходный крейсерский флот был крайне необходим Англии для эффективной связи с разбросанными по всему миру частями Британской империи. Сопrotивление Англии помешало распространить установленную для линкоров и авианосцев пропорцию на крейсера и эсминцы.

Против сокращения тоннажа подводных лодок со всей решительностью выступила делегация Франции. Но с наибольшей непримиримостью французские делегаты боролись против прозвучавших на конференции предложений о полном изъятии подводного флота из военно-морских сил великих держав. С активной защитой этого предложения выступил министр иностранных дел Англии Артур Бальфур. Он назвал подводные лодки самым варварским видом военно-морских сил и напомнил делегатам конференции о безжалостной подводной войне, которую вела Германия против Англии. В ответ глава французской делегации Альбер Сарро назвал бессмысленными попытки противопоставлять одни категории военно-морского флота другим. Реплика Сарро была проникнута язвительным сарказмом. Он заявил: "Англичане предлагают уничтожить подводные лодки. Мы с этим никак не можем согласиться. Вот если Англия согласится на то, чтобы уничтожить линкоры, тогда Франция сейчас же пойдет на ликвидацию своего подводного флота. Правда, нам говорят, что Англия никогда не использует свои линкоры в военных целях. Ну, конечно, она держит их, по всей видимости, для ловли сардин. Так пусть же она разрешит бедной Франции иметь подводные лодки, ну, скажем, для ботанического исследования морского дна".

Острые споры так и не позволили делегации США добиться распространения установленного для линейного флота соотношения тоннажа на все категории военно-морского флота великих держав. Но даже одно лишь решение для линейного флота было крупной победой американской дипломатии.

Наконец, третьим важным документом Вашингтонской конференции был "договор четырех держав" (США, Англии, Японии и Франции) о "совместной охране своих прав и интересов в бассейне Тихого океана". Это был пакт четырех крупнейших держав о совместной защите status quo в этом важном районе земного шара. Одна из статей этого договора гласила, что после ратификации "договора четырех держав" теряет силу англо-японский союзный договор, заключенный в 1902 г. и возобновленный в 1911 г. Это была еще одна победа американской дипломатии. Соединенным Штатам теперь уже не противостоял в бассейне Тихого океана англо-японский блок. Правда, делегаты Англии на конференции успокаивали своих японских коллег, утверждая, что англо-японский договор был не аннулирован, а заменен четырехсторонним пактом. Однако один из членов японской делегации по-другому оценил этот факт. "Вы устроили нашему союзу блестящие похороны", - заявил он.

Таким образом, созыв и решения Вашингтонской конференции 1921-1922 гг. стали первой крупной победой Соединенных Штатов после окончания первой мировой войны. Впервые после войны им удалось добиться реального усиления их роли в сфере мировой политики. Опираясь на свою резко возросшую финансово-экономическую мощь, Соединенные Штаты взяли хотя и частичный, но все же реванш за свое поражение в Париже. В этом смысле Вашингтонская конференция, будучи продолжением Версаля, в то же время стала и его частичной ревизией.

Сам созыв и решения Вашингтонской конференции ясно показали, что Версальская система непрочна, что она в лучшем случае может на время урегулировать противоречия между крупнейшими державами, но не способна их устранить. И после проведения Вашингтонской конференции эти противоречия продолжали сохраняться и обостряться.

Версальско-вашиingtonскую систему международных отношений не могло не ослаблять и то, что она в целом была основана на империалистических принципах и не отвечала стремлениям народов мира установить принципы справедливости не только во внутреннем строе государств, но и в системе международных отношений.

История последующих двадцати лет показала эту хроническую непрочность Версальско-вашиingtonской системы. Противоречия, заложенные в ней, в конечном счете привели мир ко второй мировой войне.